

1

ДОЛГ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

И я коснулся дна и, оттолкнувшись,
вверх поплыл на свет неведомых,
невидимых планет...

Старинная дэльская песня

Дважды в месяц, на новую и на полную луну, все жители Шолоха крепко запирают двери своих домов.

В это время смутные тени в темно-зеленых одеждах выходят в лес. Их неясные лица под глубокими капюшонами дышат золотом старинных гобеленов, а ярко-оранжевые фонари освещают им путь. Шаги незнакомцев легки: ни одна травинка не чувствует их тихой поступи. Всюду царит безмолвие. Не крикнет птица, не шелохнется листва старой ивы.

В такие ночи Шолох, столица Лесного королевства, безраздельно отдан духам.

Мы называем их бокки, потому что на древнем наречии Восточных Пределов «бокки» означает «искра», «тайна» и «непостижимое».

Бокки бродят по всему городу. Они кружат по дубовым рощам, выходят на центральные улицы, спускаются к бурным водам реки Нейрис. Иногда они подолгу стоят под окнами того или иного дома, и только фонари со скрипом раскачиваются на ветру.

Никто не смеет нарушить дозор бокки-с-фонарями.

Нельзя препятствовать их скорбным прогулкам. Они — егеря старых королей, важнейшая часть нашей истории. Признавая право бокки на две ночи в месяц, мы будто снимаем шляпу перед богами-хранителями, без которых Шолох никогда не стал бы Шолохом.

Но... как быть, если дух уже битый час топчется на твоей клумбе и колотит, колотит, непрерывно колотит в окно фонарем?

— Вот зараза! — Кадия поднялась из кресла и потопала к нарушителю спокойствия. От обжигающего чая носик подруги раскраснелся, оттеняя ее пшеничную шевелюру.

— Эй, ты, призрак! — Кад ткнула пальцем в стекло. — А ну брысь отсюда!

Ноль эффекта. Бокки по ту сторону продолжал бесчинствовать.

Хотя я на его месте поумерила бы пыл: Кадия страшна в гневе. Писаная красавица, стражница, дочь высокопоставленного чиновника и просто боевая натура, она кому хочешь задаст жару. Будь он хоть трижды «непостижимый».

Я тоже с любопытством подошла туда, где спальня обрывалась в ночь. За панорамным окном во всю стену, выпуклым, как аквариум, мир духов плыл под толщей волшебства.

И только бокки все стучал. Вот сумасшедший дятел!

— Что будем делать? — протянула я.

6 — Не обращайтесь внимания! Тогда ему, наверное, надоест, — предложил Дахху.

Дахху — это третий и последний из нашей дружной компании.

Сейчас друг полулежал на диване, и длинный полосатый шарф обматывал его шею свободными петлями, свисая чуть ли не до пола. Дахху дотошно изучал передовицу «Вострушки» (лучшая столичная газета, печатается под редакцией Анте Давьера). В новостях не было ничего интересного, но Дахху, знаете ли, педант.

И, думаю, он прав насчет бокки. Я кивнула и нагло-хо задернула шторы.

— Вот и славненько! — одобрила Кадия, когда глубокий синий бархат приглушил истерику духа.

Подруга с размаху плюхнулась на грушеподобный пуф, схватила миску с виноградом и продолжила учиться ловить ягоды ртом — с подброса. Получалось ужасно! Половина трагически улетала на пол, но Кадию это не смущало. Ее вообще не многое могло смутить. К сожалению.

Кстати, да, я же не объяснила.

Кадия, Дахху и я — бывшие однокурсники. Семь лет мы втроем учились у строгого наставника, магистра Орлина. Боюсь, с точки зрения науки мы остались жуткими невеждами, зато обрели нечто не менее ценное, чем знания, — настоящих друзей. Тех, за кого держишься крепко, как за шток-мачту во время шторма. И кому легко прощаешь минное поле из винограда на своем ковре.

Раз в неделю мы с ребятами собираемся на совместную ночевку у меня дома.

Вечеринки всегда проходят одинаково: мы болтаем обо всем на свете, потом кого-нибудь тянет танцевать, и мы пляшем, будто бешеные кочевники, а ближе к утру заваливаемся спать, и по комнате долго летают уютные шепотки: «Ты уже уснула?», «Дахху храпит, зараза», «Давай ему лимоном на язык капнем?».

И ни разу еще в нашу тесную компанию не пытался ворваться чужак. Тем более такой неожиданный и рьяный, как бокки-с-фонарем.

Стук фонаря о стекло все еще слышался, но тихо. Я вернулась к своему занятию: подошла к камину и стала технично рвать письма, пришедшие за полгода. Обрывки официальных бумаг — сплошь отказы в приеме на работу — мертвыми мотыльками падали по ту сторону витой решетки. Будет холодный день — разожгу огонь и спалю все это к праховой бабушке.

— Тинави, а что с твоим последним заявлением? —
вдруг с набитым ртом спросила Кадия.

Я изобразила, что не слышу.

— Тина-а-а-ави! — пропела подруга.

— Каким из них? — неохотно буркнула я.

— На должность тренера по тринапу.

Мой взгляд скользнул к остаткам конверта в глубине камина. Я пожала плечами:

— Моя кандидатура им не подошла. Вы бы видели, как перекосило рекрутера, когда я сказала, что я магическая калекка. Я уж думала — инсульт! Откачивать его собралась...

Кад нахмурилась:

— Да перестань ты называть себя калеккой! Магия не часть тела. Ее потеря несравнима с физическим увечьем. И учитывая, где я работаю, я знаю, о чем говорю.

— Заметь — ты работаешь. А я — нет. Никому в королевстве не нужны отбросы общества.

— Хей, девушка, следите за языком!

Я отвернулась к книжному шкафу, пряча лицо. В зеркале на полке отразилось, как Дахху таращит глаза и знаками показывает Кадии, чтобы она сменила тему. Деликатный ты мой...

Я фыркнула:

— А что? Все равно никто не нуждается в моих услугах. Дахху целыми днями гундит, что не реализуется в Лазарете, ты жалуешься на коллег-стражников, а я... Завидую, наверное. Очень весело сидеть дома и смотреть, как жизнь проносится мимо. И все из-за одной оплошности в выпускную ночь! — Я запнулась.

8

Потом с горестью продолжила:

— Тринап был моей последней надеждой. Казалось, какое дело миру спорта до моих магических способностей? Но нет. Отказ. Несмотря на все мои медали. Вот они, сплошные плюсы жизни в колдовской столице! Больше идей о трудоустройстве у меня нет. Так что: добро пожаловать на дно, Тинави из Дома Стражду-

щих! — Я театральным жестом распростерла руки и поклонилась.

Перехватив мой взгляд, Дахху сочувственно блеснул глазами из-под темно-коричневой, в цвет волос, шапки. Зима на улице или конец мая, как сейчас, — будьте уверены, Дахху из Дома Смеющихся не расстанется с вязаными аксессуарами. Богемный шик? Да нет! Скорее, нехитрый способ спрятать шрамы, полученные в детстве. И седые пряди на макушке.

Кадия же ринулась в бой: выкарабкалась из мягкого пуфа, засасывающего, как зыбучие пески, подошла ко мне и ободряюще потрепала по плечу. Жест получился воистину материнским: Кадия выше меня на голову.

— А ну, отставить грусть! Надо продолжать бороться! Бороться до конца! — патетически заявила Кад, как на трибуне выступала.

И, следуя ее завету, со стороны окна послышалось настолько отчаянное, страшное звяканье стекла о стекло, что мы втроем аж подпрыгнули.

Дахху мигом отбросил газету. Друг вскочил, подбежал к окну и дернул за бархатную веревочку. Шторы со скрипом разехались в стороны. За ними, как на театральной сцене, снова возник бокки-с-фонарем.

На сей раз пустое лицо призрака оказалось в пугающей близости: оно почти прижималось к стеклу. Туманный подол зеленого плаща змейкой вился вокруг моих розовых кустов. Сгустившаяся до черноты ночь пахла холодом.

Дахху шумно сглотнул и хотел отступить, но мы с Кадией уже подперли его сзади. Ведь нам известно: любопытство веселее страха.

В стекле слабо светились наши отражения: задиристая красотка Кад, носатик Дахху и моя глазастая физиономия. Между нами, будто мистический судия, мерцал стоявший по ту сторону бокки.

У лесного духа резко прибавилось энтузиазма. Теперь он колотил без остановки.

— Э-э... — сказала я. — Он так окно разобьет!

— Да он там не один! — Отражение Дахху зашевелило полупрозрачным ртом. — Вон, от леса еще идут.

Следующие пару минут мы во все глаза таращились на происходящее в саду. Музыкальное сопровождение в стиле «звяк-дзыньк-звяк-гыдыщ» добавляло сцене колорита.

Вдали, между густо растущих сосен, зажигались новые и новые огоньки — оранжевые искры в лесной прохладе, тихой и влажной, как речное дно. Призраки приближались, плывя в двух сантиметрах над землей.

Кадия озадаченно хмыкнула:

— Тинави, у тебя дома достаточно еды? Чувствую, придется держать осаду!

Вдруг Дахху прильнул к окну, всматриваясь. У калитки творилось неладное: две дюжины бокки столпились там тесным кругом. Наш бокки-первопроходец тоже развернулся и отчалил. Мне показалось, что нечто чужеродное закралось среди духов. Я сощурилась. В зеленовато-зыбких рядах мелькнуло что-то белое... Еще раз, еще...

— Народ, а там может быть человек? — Голос у Кадии неожиданно охрип.

— Да вряд ли... — протянула я.

И тотчас мы поняли, что ни разу не «вряд ли». Среди бокки действительно затесался кто-то в белой одежде: человек был плохо виден, но, судя по всему, отчаянно махал руками.

10 Дахху не стал махать в ответ и молча бросился в прихожую. Мы кинулись за ним.

В моей голове лихорадочно завертелись обрывки старых сказок: «Кто выйдет к бокки — того найдут через сорок дней под горой»; «Бокки коснулся Ши Лиардана, и мальчик обернулся черной птицей, после чего навсегда улетел в ночное небо». Или вот это, мое любимое: «Бокки поставил фонарь на землю и съел ее живьем».

Что вполне могло оказаться правдой, потому что в Шолохе настолько уважают бокки и настолько боятся нарушить хлипкое магическое равновесие, помешав им, что никогда не изучают духов экспериментально. Только на расстоянии: через окошко и по книжкам.

А значит, никто по факту не знает, чем обернется столкновение с бокки лицом к лицу. Верней, лицом к капюшону.

В коридоре Кадия молниеносно сдернула с крючка мою битую для тринапа и пинком распахнула дверь. Мгновение спустя она уже мчалась через лужайку, тонконогая и стремительная, как зубастая цапля Рычащих болот. Дахху семенил следом, стараясь не расплескать собранное в ладонях заклятие.

Итак, прошу любить и жаловать: мои друзья — храбрые самоубийцы! Ладно Кадия, она стражница и привыкла к тому, что может надрать задницу очень многим, но зачем доходяга Дахху из года в год сует голову в самые узкие и безнадежные петли — это для меня загадка.

С гулко бьющимся сердцем я выбежала за ними. Замешкалась на пороге в надежде прихватить какое-нибудь оружие, но откуда оно у меня? Пришлось ограничиться пыльным зонтиком. Ох уж этот диктат повседневности!

Трава под босыми ногами была неприятно холодной. Полная луна просвечивала сквозь верхушки пиний. В ее неверном свете сцена, развернувшаяся в саду, напоминала шаманский обряд.

При появлении Кадии, которая с криками бежала в авангарде нашей маленькой армии, бокки начали медленно расходиться. Очень медленно, как мед, лениво уступающий воткнутой в него ложке. Подруге пришлось остановиться и грозно потрясать битой, не сходя с места, иначе бы она просто врезалась в неохотно разбредующихся духов. Серая флисовая пижама Кад издали казалась доспехами.

— Ну-ка пошли отсюда! Кыш! — Подруга разгоняла бокки, как кур на ферме. Как ни странно, призраки слушались: уплывали прочь с таким колоссальным спокойствием, будто все было в пределах нормы.

Дахху подскочил к лежащему на земле пареньку. Возле того еще отиралась пара бокки, но лекаря, вошедшего в раж, это не смутило. Он прошмыгнул, предупреждая приоткрыв ладони с бурлящим заклятием, и был таков. Я выставила зонтик на манер щита и стала оттеснять запоздавших духов вбок. Кадия продолжала размахивать битой и сыпать проклятиями.

Это было излишне: бокки все равно не собирались оставаться в обществе таких негостеприимных хозяев. Чуть ли не откланявшись напоследок, они растворились вдали.

Винovníком нашей вылазки оказался подросток лет двенадцати. Невысокий, с лицом правильной овальной формы, он свернулся на траве калачиком и лежал, подложив руку под голову. Уютненько так лежал. Каштановые волосы с легкой рыжинкой (совсем как у меня!) были подстрижены под горшок. Курносый нос побледнел, созвездие из родинок темнело на щеках, а белый комбинезон мальчика был перепачкан зелеными стрелами разнотравья и земляной крошкой.

— Он жив? — с опаской уточнила я у Дахху.

12 Друг пытался нащупать у незнакомца пульс. Шапка Дахху съехала набекрень, фисташковые глаза блестели от адреналина.

— Да, — облегченно выдохнул он. — Еще как жив.

— Тогда затащим мальчишку в дом. — Я огляделась. — Вдруг духи вернутся?

Мы втроем подхватили «жертву» на манер мешка с песком и заторопились в сторону коттеджа. Поднявшийся ветер лишил меня видимости: длиннющие волосы Кадии наделились мне на лицо, так что я шла почти

наобум. Но все равно увидела, когда из руки мальчика что-то выпало.

— Донесем, я потом подниму, — предложил Дахху. Наш спасенный был на удивление тяжелым для своего телосложения.

— Он что, кольчугу под одеждой таскает? Откуда столько килограммов? — пыхла я, преодолевая последние ступени своего так некстати высокого крыльца.

— Не, точно не кольчугу. Она б из-под рубахи выпирала, — со знанием дела прокомментировала Кад.

Наконец мальчик оказался в гостиной. Филин Марах, мой домашний питомец, проснулся и тревожно заухал в углу.

— Я мигом, — сказал Дахху и вышел в ночь.

Когда он вернулся, его глаза были в два раза больше, чем обычно, а шапка окончательно уползла на затылок. Шарф размотался, волочась за другом по полу.

— До меня дотронулся бокки, — глухо сказал Дахху.

— Что? Как? Они же все ушли?!

— Один остался. Когда я поднял вещицу, бокки уже стоял рядом. Он коснулся моего локтя и пропал. Но теперь я испытываю некий дискомфорт и ощущаю, кхм, перепад температур...

Я потрогала руку Дахху. Кожа была ледяной. Друг вручил мне безделушку мальчика и начал интенсивно растирать локоть.

Вещица представляла собой цилиндр из неизвестного фиолетового металла. Она оканчивалась широкой частью, похожей на абажур, который сбоку перекрывало молочно-белое стекло. Посередине нашлась мягкая кнопка со схематично изображенной дверью. Я нажала на нее несколько раз, но ничего не произошло.

Я положила вещицу на стол и снова посмотрела на Дахху. Смеющегося знобило.

— Возможно, ощущение холода — это нервное, — предположила я.

— Надеюсь. — Дахху передернуло. — Не хочу практиковать ампутацию на самом себе. Как раз на следующей неделе ее проходить будем...

— Да ладно! Если ты не затынешь с исповедью, тебя мигом вылечат.

— Ты думаешь, мне стоит рассказать в Лазарете о случившемся? Да за выход к бокки меня лишат стипендии!

— По-твоему, стипендия важнее руки?

Кадия, рубанув по воздуху ладонью, прервала нашу дискуссию:

— Так! Народ! Давайте решать проблемы по мере поступления. Сейчас у нас есть некий мальчик без сознания, и лично я хочу привести его в чувство, чтобы понять, за каким прахом он поперся гулять в полнолуние. Может, он вообще оборотень какой, и мы зря его спасли. Нужно срочно определиться с его добропорядочностью. Это наш долг перед обществом! Так что извольте помочь. Дахху, на пощечины он не реагирует, что там с пробуждающими заклятиями?

Заклинания не сработали. Мальчик мирно спал.

Оставшееся до рассвета время — а поздней весной солнце встает очень рано — мы пытались его разбудить. Кадия — пинками и ушатом ледяной воды. Дахху — вожжой. Я — уговорами.

14 Под утро мы совершили еще одно жуткое преступление: связали подростка простынями, затолкали полувставший кулек между диваном и стеной и с полными сомнениями душами легли спать.

— Кад, — шепнула я подруге, когда Дахху вырубился. — Как думаешь, нас не посадят за такое в тюрьму?

— Сегодня не посадят! — оптимистично отмахнулась Кадия и сразу же мирно засопела.

Я со вздохом последовала ее примеру.

2 ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ПОЛЫНЬЮ!

Удача — это всего лишь умение быть начеку.

*Балатон из Дома Мчащихся,
Глас короля*

Меня разбудил громкий стук в дверь. Тяжелые резкие удары, будто добиться внимания пытался горный тролль, а то и кто побольше.

В комнате было душно и желто от всепроникающего солнечного света.

Я подскочила на кровати и побежала открывать, на ходу перепрыгивая через спящие на матрасах тушки Дахху и Кадии. За диваном угрюмо безмолвствовал то ли спасенный, то ли похищенный мальчик.

Мальчик!

Прахов прах, прах, прах!

Неужели это Смотрящие из Лесного ведомства пришли по наши преступные души? Или чародеи-Лакмусы хотят перекинуться парой ласковых? А может, вообщее Ходящие... Тогда пиши пропало.

У меня непроизвольно вырвался стон.

Я оглянулась на ребят. У Кадии из Дома Мчащихся, дрыхнувшей в позе звезды, красиво блестели на солнце волосы. Во сне подруга скинула с себя одеяло и возлежала с достоинством, удивительным для человека в пижамке. Дахху же свернулся под пледом в клубок, так что торчали только нос и нестриженные вихры.

Кулек с загадочным мальчиком не шевелился.

Под несмолкающий стук я выбежала в коридор, где за входной дверью скрывались неведомые каратели. Попытка отыскать в голове что-то похожее на план действий окончилась провалом. Лихорадочные мысли гулко врезались в костяные стенки черепа, не встречая

